

Володин Сергей Филиппович

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА "ОТТЕПЕЛИ" (1953-1964 ГГ.) ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В статье рассматривается опыт осмысления историографией периода "оттепели" (1953-1964 гг.) проблем эффективности труда в годы первых пятилеток. Подвергнуты анализу работы С. Р. Гершберга, В. З. Дробижеева, В. С. Лельчука, А. М. Панфиловой, Р. Я. Хабибулиной, А. Ф. Хавина. Автор указывает на то, что открывшиеся в период "оттепели" возможности более глубокого анализа процессов индустриализации в годы первых пятилеток были в значительной степени использованы советской историографией. Исследовательский горизонт историков был существенно расширен за счет внимания к региональному и отраслевому срезу индустриальных преобразований, к их организационному и социально-психологическому контексту.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 44-51. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Список литературы

1. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 5. С. 63-70.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: МГУ, 1998. 170 с.
3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте (психологическое исследование). М.: Просвещение, 1968. 464 с.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
5. Методика оценки морально-психологического состояния личного состава [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/metoda/page,20,748-vospitatelnaya-rabota-opuyt-organizaciya-metodika.html> (дата обращения: 22.06.2015).
6. Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министра обороны РФ № 70 от 11.03.2004 г. URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_103319.html (дата обращения: 08.08.2012).
7. Психологические системы ценностей человека [Электронный ресурс]. URL: http://otherreferats.allbest.ru/psychology/00198807_0.html (дата обращения: 01.06.2015).
8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2004. 350 с.
9. Соловьев С. С. Трансформация ценностей военной службы // Социс. 1996. № 9. С. 17-25.
10. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology-online.net/articles/doc-736.html> (дата обращения: 28.11.2014).
11. Goffman E. The Characteristics of Total Institutions // A Sociological Reader in Complex Organizations / ed. by A. Etzioni. N. Y.: Rinehart & Winston, 1969. P. 312-356.
12. http://dyn.ens.mil.ru/science/sociological_center/actual.htm (дата обращения: 21.05.2015).

VALUES OF MILITARY SERVICE AS A RESOURCE FOR MILITARY MEN'S SOCIALIZATION

Vlaskin Viktor Yur'evich

N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
vvy-mulino@mail.ru

The article examines the social expectations of different categories of military men from doing military service. The paper shows that differences in value hierarchies are determined by insufficient influence on the subordinates on the part of the subjects of socialization. The author proposes to optimize socialization activity on the basis of the dynamic use of the identified value orientations with a maximum potential effect taking into account the impact of social environment capable to influence the process of successful socialization.

Key words and phrases: military service; values; socialization; interaction; developmental resource.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается опыт осмысления историографией периода «оттепели» (1953-1964 гг.) проблем эффективности труда в годы первых пятилеток. Подвергнуты анализу работы С. Р. Гершберга, В. З. Дробизева, В. С. Лельчука, А. М. Панфиловой, Р. Я. Хабибулиной, А. Ф. Хавина. Автор указывает на то, что открывшиеся в период «оттепели» возможности более глубокого анализа процессов индустриализации в годы первых пятилеток были в значительной степени использованы советской историографией. Исследовательский горизонт историков был существенно расширен за счет внимания к региональному и отраслевому срезу индустриальных преобразований, к их организационному и социально-психологическому контексту.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; индустриализация; производительность труда; стахановское движение; трудовая дисциплина; хозяйственный расчет.

Володин Сергей Филиппович, к.и.н., доцент

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
volodin93@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» (1953-1964 ГГ.)
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК[©]

Исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект № 15-11-71001.

В 1954 г. перед советскими историками была поставлена задача по созданию обобщающих трудов, посвященных истории советского общества [3]. Однако воплотить на деле это пожелание было непросто, в том числе по причинам утвердившихся идеологических и методологических ограничений. Звучавшие с трибун призывы к творческому применению марксизма отнюдь не означали получение индульгенции на пересмотр

утвердившихся трактовок исторических фактов. Скорее речь шла о необходимости более объемного и достоверного доказательства известных исследовательских конструктов, о полезности отказа от крайностей пропагандистского уклона в историографии. К тому же, для того чтобы появились труды по индустриализации обобщающего характера, требовалось время. Нужно было уточнить предметное поле исследования, ввести в научный оборот дополнительный фактический материал, осмыслить его в перспективе открывшихся институциональных возможностей. Поэтому неслучайно во второй половине 50-х гг. спешили высказаться именно экономисты, поскольку на них не распространялись столь жесткие институциональные ограничения, как на историков [4; 7; 9]. Да и сам процесс историографического сдвига происходил непросто.

В начале периода продолжали публиковаться работы, написанные в утвердившемся жанре иллюстративных примеров самоотверженного труда рядовых рабочих и происков разного рода вредителей. Так, в небольшой работе И. П. Семина акцент делался на развитии критики, направленной против прямых «врагов народа», а также недостатков в работе администрации предприятий [8, с. 43-45]. Более разносторонний принцип изложения исторического материала демонстрировал А. А. Штылько [12]. Трудности социалистического строительства, подчеркивал последний автор, были обусловлены в значительной степени сознательным «вредительством» врагов социалистического преобразования. «Это, – писал он, – требовало от советских людей величайшей бдительности. Под рабочей блузой или пиджаком “сочувствующего” специалиста, ответственного работника часто скрывались диверсанты из иностранных разведок, бывшие белогвардейцы, кулаки и другие враги» [Там же, с. 39]. Вместе с тем, дополнительные трудности проистекали от «пережитков мелкобуржуазной психологии» среди пришедших на стройки выходцев из деревни. Она оборачивалась текучестью рабочей силы, нарушениями трудовой дисциплины. Кроме того, эффективному труду рабочих в значительной степени препятствовали объективные трудности – нехватка продовольствия, неустройство быта на новых стройках. Все эти трудности преодолевались активностью передовых рабочих, иницируемой партийным руководством. Именно поэтому, например, борьба за укрепление трудовой дисциплины становилась в центре внимания трудовых коллективов. «Окружая почетом и вниманием хороших производственников, коллективы предприятий сурово осуждали лодырей, прогульщиков, хулиганов» [Там же, с. 55]. С другой стороны, партийные органы поддерживали важнейшие трудовые почини этого времени – ударничество, встречное планирование, досрочное выполнение пятилетки, овладение техникой и т.д.

Между тем, изменения в историографии проблемы все же происходили. Особого внимания в этой связи заслуживают публикации авторов, активно работающих прежде в качестве журналистов в годы индустриальных преобразований. Теперь они опубликовали книги, в которых попытались соединить как достоинства образной публицистики своего прежнего журналистского опыта, так и требования собственно научного анализа [1; 11]. Так, С. Р. Гершберг в центр своего повествования поставил историю возникновения и развития стахановского движения, тесно связанного с новаторством первой пятилетки. «В ходе развертывания изотовского движения, – отмечал он, – выявилась огромная тяга рабочих к приобретению квалификации. На многих предприятиях начали создаваться кружки по изучению технического минимума. Сами рабочие требовали установления обязательного минимума знаний, в первую очередь для важнейших профессий» [1, с. 30]. Эта тяга рабочих соответствовала потребностям нового этапа советской индустрии, в том числе на Донбассе. Ведь повышенные производственные задания даже при насыщении шахт механизмами могли быть выполнены при сокращении разрыва между низким уровнем средней производительности и высокой производительностью передовых рабочих. В основе этого разрыва, по С. Р. Гершбергу, лежало несколько причин. Прежде всего, это недостатки технического руководства, оборачивающиеся несоблюдением графика работ, простоями и авариями подземного транспорта. «Но были и более глубокие причины, коренившиеся в самой системе работ по добыче угля, в значительной мере устаревшей... Среди причин, тормозивших рост производительности труда, особую остроту в тот период приобрели две: недостаточный фронт работы и отсутствие разделения труда в работе» [Там же, с. 39]. Теперь углубление процесса механизации Донбасса создало предпосылки для практического воплощения «метода Стаханова». Но, конечно, принципиальное значение имела поддержка почина со стороны центрального руководства, обеспечивавшая мощную хозяйственно-политическую популяризацию зародившегося движения.

Новаторство не ограничилось угольной отраслью. Свои стахановцы выдвинулись в машиностроении, металлургии, легкой и пищевой промышленности. И хотя в каждой отрасли промышленности и транспорта была своя специфика, всех новаторов отличало глубокое овладение техникой своего дела. Как отмечал автор, на первом Всесоюзном совещании стахановцев обосновывался ряд ведущих методов высокопроизводительного труда. Это – разделение труда, увеличение рабочего времени, количества обслуживаемых станков, а также интенсификация работы машин и агрегатов [Там же, с. 102-103]. Вместе с тем, для реального воплощения этих методов нужна была критическая оценка установленной технологии, системы планирования. Необходимо было пересмотреть практику материально-технического снабжения, начисления заработной платы и т.д. Требовалось активное вовлечение в движение инженерно-технических работников [Там же, с. 107].

Впредь в качестве первоочередной выдвигалась задача перехода от отдельных рекордов к увеличению выпуска продукции в масштабе всего предприятия. При этом формами коллективной работы в этот период выступали стахановские смены и сутки, а также увеличение выпуска продукции с наличного оборудования предприятий. Как отмечал автор, на пути этого живого дела возникли серьезные трудности. «Кое-где в погоне за цифрой, за процентом переименовывали в стахановцев отдельных рабочих и целые бригады, не изменившие методов своей работы, устанавливали “контрольные цифры” увеличения числа стахановцев» [Там же, с. 119]. И все же главное значение имел факт утверждения на основе стахановского движения более высоких норм выработки. В конечном счете, это определяло макроэкономический эффект. Если в 1933-1935 гг.

максимальный прирост выработки на одного работника крупной промышленности не превышал 15,6%, то в 1936 г. производительность труда в промышленности выросла на 26,1% [Там же, с. 162]. Впрочем, С. Р. Гершберг не обошел без внимания и факты своеобразного приглушения столь пафосного движения. С трибун зазвучала критика «голового рекордсменства», создания «тепличных условий» для передовиков-стахановцев. Все большее внимание в экономике начинали уделять системным вопросам хозяйствования – цикличности, трудовой дисциплине, более нейтральным формам социалистического соревнования [Там же, с. 172, 176-178]. Для автора было очевидно, что движение уходило с авансены политико-хозяйственного обеспечения первоочередных задач советской экономики.

А. Ф. Хавин, озаглавивший свою более чем на четыреста страниц книгу как «Краткий очерк индустриализации СССР», очевидно, хотел подчеркнуть истинный масштаб проблемного поля грандиозных преобразований периода советской индустриализации. Прекрасное знание деталей, экономическое мышление, актуальный журналистский опыт – все это помогло ему создать действительно яркую панораму времени, полную авторских чувств и размышлений. И, конечно, немалая часть его повествования касалась проблем эффективного труда зарождавшейся индустрии. Для него были очевидны огромные организационные трудности этого начального этапа пятилетки. «Первые полтора года пятилетки (1929 – середина 1930 года) на большинстве строек протекали под знаком организации аппарата, комплектования рабочих и технических кадров, проектирования. В то же время накапливался опыт на передовых стройках, и из него были сделаны все оперативные выводы» [11, с. 113]. При этом темпы освоенных средств нарастали. И, как подчеркивал автор, успехи строительства первых гигантов советской индустрии также обеспечивали талантливые руководители этих строек.

Между тем, трудности были велики. В ходе работ обнаруживались серьезные диспропорции, возникавшие в результате отдельных просчетов. Лишь постепенно налаживалось проектное дело. К тому же миллионы людей, преимущественно из деревни, «остро реагировали на трудности, на недостатки в общественном питании, в организации труда и заработной платы. ... Сотни тысяч людей кочевали по стране в поисках лучшего заработка, лучшего снабжения продовольствием, лучших жилищных условий. Показательно, что в 1932 году число платных пассажиров на железных дорогах достигло рекордной цифры – 303 млн человек; в последующие годы она резко снизилась» [Там же, с. 131]. Крестьянское происхождение новых рабочих, отмечал А. Ф. Хавин, прямо влияло на организацию труда становящихся производственных коллективов. На стройках были распространены артели, во главе которых стояли старосты, выступавшие в качестве подрядчиков и устанавливающие внутри артелей «несоциалистические» порядки. Сезонность в работе, уравнительность в оплате труда, отчужденность от общезаводской массово-политической жизни были характерными чертами этой традиционной формы организации труда. Тем не менее, постепенно, в том числе посредством реорганизации артелей в бригады, происходило изменение психологии сезонника. «Овладевая новыми профессиями, многие строители, в прошлом сезонники, вливались в ряды кадровых рабочих и навсегда связали свою судьбу с промышленностью. К концу первой пятилетки семейные строители стали получать отдельные комнаты и квартиры» [Там же, с. 147].

Характерной приметой этого времени являлось движение социалистического соревнования, в котором соединялись вместе организационный импульс высшего руководства и творческая инициатива рядовых работников. И хотя после публикации статьи Ленина в январе 1929 г. заключались договора между отдельными соревнующимися коллективами, именно движение ударных бригад первоначально было ведущей формой соревнования. Их задачи были достаточно узкими: укрепить трудовую дисциплину, устранить отдельные производственные недостатки. Между тем, международная и внутренняя обстановка требовала ускорения темпов индустриализации, и поэтому во второй половине 1929 г. был выдвинут ключевой лозунг «Пятилетка в четыре года!». Зарождались и другие починки, о которых автор лишь вскользь упоминал. На самом деле его интересовала главным образом организационно-техническая сторона в процессе становления советской индустрии. Так, он акцентировал внимание на том, что «созданный в 1932 году горьковский завод-гигант и коренным образом реконструированный Московский автомобильный завод стали предприятиями массового поточного производства, передовой техники» [Там же, с. 165]. То есть главное – создавалась техническая основа для гораздо более эффективного труда уже на собственном отечественном оборудовании.

Соответственно, во второй пятилетке нужно было подтянуть некоторые отставшие отрасли тяжелой промышленности, завершить техническую реконструкцию действующих предприятий, а также продолжить мощную программу капитального строительства. Кроме того, во второй пятилетке предстояло значительно поднять культуру производства, освоить новую технику, подготовить в массовом порядке квалифицированные кадры. Именно с этой целью в промышленности была развернута широкая сеть технических школ, кружков и курсов, в которых в 1935 г. обучалось 1,5 млн, в 1936 г. – 2 млн рабочих (в тяжелой промышленности). Менялись к лучшему рабочие снабжение, жилищные и бытовые условия. И, как результат, текучесть в угольной промышленности уже в 1934 г. по сравнению с 1932 г. уменьшилась вдвое, а в металлургии за то же время – на 40% [Там же, с. 209, 211]. Существенные сдвиги произошли и в отношении качества производственных процессов. «Урок Волгоградского тракторного завода» сыграл в этом отношении свою благотворную роль, поскольку выявил многие огрехи пускового периода. Неподготовленность кадров, штурмовщина, уравнительность в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников – все это, отмечал автор, в значительной мере определялось отсутствием опыта в налаживании массового поточного производства. Поэтому потребовалось не только предпринять безотлагательные меры в отношении этого индустриального гиганта, но и переосмыслить практику нового этапа хозяйствования. Во всех случаях следовало проводить тактику постепенного и равномерного развертывания производства. Надо было принять

во внимание, отмечал на одном из примеров автор, следующее. Причины же многочисленных аварий на объекте объяснялись «главным образом низкой культурой труда, слабостью производственной дисциплины, невниманием к так называемым “мелочам”» [Там же, с. 230], то есть отнюдь не вредительством. Наоборот, именно комплексный подход к механизации шахтного производства в годы второй пятилетки обеспечил серьезный сдвиг в росте производительности труда в угольной промышленности (на 65%). При этом в освоении новых производств было много общего. «Прежде всего – это обучение людей, формирование квалифицированных кадров и закрепление их на производстве. Другой важной линией в борьбе за освоение производства была ликвидация диспропорций между отдельными частями новых предприятий: между основными и вспомогательными цехами, между заготовительными, механическими и сборочными цехами, а также подтягивание внутрипроизводственного транспорта и ремонтных баз» [Там же, с. 237]. Существенным мобилизационным фактором в годы второй пятилетки также выступило стахановское движение, содействующее увеличению проектных мощностей предприятий.

Как непосредственный свидетель становления индустриальной мощи стран, А. Ф. Хавин глубоко прочувствовал и выразил в своей книге роль «командармов тяжелой промышленности», прежде всего Г. К. Орджоникидзе. Лучших руководителей промышленности этого времени, подчеркивал автор, отличали взгляды широко понятых общегосударственных интересов, нацеленность на изыскание резервов внутри промышленности. В то же время, в годы третьей пятилетки тяжелый урон промышленности нанесла практика репрессий в отношении руководящих кадров. Новым же работникам не хватало опыта, поскольку даже в течение нескольких месяцев руководство некоторыми важнейшими предприятиями обновлялось по нескольку раз [Там же, с. 305-306]. Понятно, что потребовалось определенное время для становления нового поколения «промышленных командармов», внесших значительный вклад в предстоящую «битву моторов». Положительную роль в этом контексте сыграли решения XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 г. «Она потребовала покончить со штурмовщиной, перейти на каждом предприятии к равномерной, ритмичной работе. Конференция приковала внимание к необходимости соблюдения строжайшей технологической дисциплины, обеспечения выпуска доброкачественной и комплектной продукции, полностью отвечающей установленным стандартам» [Там же, с. 307]. В целом же, характеризую содержание советской индустриализации, А. Ф. Хавин подчеркивал не только факт бурного роста продукции отраслей промышленности, но и фундаментальный сдвиг в социально-профессиональной структуре промышленного производства. Центральной фигурой в нем становился рабочий, овладевший современной техникой, воспитанный в духе советского патриотизма.

Важной особенностью историографии проблем индустриализации в первой половине 60-х гг. стало появление качественных монографических работ, углубленно анализирующих тот или иной содержательный срез преобразований 30-х гг. прошлого века. Здесь мы отметим работу А. М. Панфиловой, посвященную исследованию организованного набора в индустрию рабочей силы из деревни, ее перевоспитанию и закреплению в промышленном производстве. Как отмечала автор, во многом именно недостаток рабочих рук стал «узким местом» в борьбе за темпы хозяйственного строительства. Достаточно сказать, что осенью 1930 г. в угольной промышленности не хватало 103 тыс. человек, на строительстве новых заводов – 150 тыс. рабочих [6, с. 12-13]. Между тем, до марта 1931 г. органы труда совершенно неудовлетворительно организовывали привлечение кадров для промышленности из сельских районов. Реальный набор рабочей силы производили вербовщики хозорганов, которые действовали сразу в нескольких районах, переманивая друг у друга потенциальных работников обещаниями более высоких заработков. Положительную роль в этой связи сыграло постановление ЦО от 3 марта 1931 г. «О порядке привлечения рабочей силы», согласно которому более строго определялись конкретные районы вербовки и устанавливались унифицированные расценки на однородные работы. И, кроме того, с 1930 г. устанавливался принцип заключения договоров между хозорганами и правлениями колхозов, а индивидуальная вербовка запрещалась.

Вчерашние единоличники, писала А. М. Панфилова, «приносили в среду рабочего класса, профсоюзных и других массовых организаций мелкобуржуазную идеологию, хвостистские настроения. Рабочие, пришедшие из деревни, не обладали квалификацией и навыками труда в промышленности, по своему культурному уровню, классовому развитию и организованности стояли значительно ниже, чем основные кадры рабочего класса» [Там же, с. 128]. Поэтому поступившую на промышленные предприятия рабочую силу необходимо было воспитать и закрепить на месте. Однако закреплению кадров мешали тяжелые жилищно-бытовые условия практически на большинстве предприятий страны, прежде всего на новостройках. И хотя под контролем ЦКК-НК РКИ предпринимались определенные меры по решению жилищной проблемы, организации общественного питания, культурного обслуживания рабочих, советское государство не располагало в те годы необходимыми для этого средствами. Да и руководители предприятий были сориентированы в первую очередь на производственные показатели [Там же, с. 132]. Тем не менее, был задействован целый арсенал мер, способный хоть как-то противостоять масштабной текучести кадров. Помочь закреплению кадров в промышленности должно было шефство кадровых рабочих промышленности над прибывшими новичками. Той же цели служила кампания по самозакреплению трудящихся, стартовавшая на строительстве Кузнецкого завода. На многих предприятиях развернулось социалистическое соревнование за лучшую встречу и культурно-бытовое обслуживание новых пополнений. Соответственно, к началу 1932 г. порядка 100 предприятий разработали планы культурно-бытовых мероприятий [Там же, с. 141]. Еще одной формой вовлечения новых работников в промышленное производство являлась организация их производственного обучения. На крупнейших предприятиях страны технической учебой было охвачено в это время от трети до половины общего числа рабочих [Там же, с. 158].

Не обошла автор вниманием и проблему негативизма косной низовой среды предприятий в отношении новичков. Эта среда нередко рассматривала вчерашнюю сельскую молодежь в качестве предмета насмешек, а то и прямого издевательства. Как замечала в этой связи А. М. Панфилова, «нельзя идеализировать и кадровых рабочих. У некоторых из них были пережитки мелкобуржуазной психологии, которые выражались в неуважительном отношении к молодым рабочим, нежелании передать им свой опыт и знания, стремлении получить с них взятку за обучение и “обмыть” первую получку» [Там же, с. 165]. Понятно, что с крайностями этой недоброй традиции приходилось бороться, вплоть до уголовного преследования. В целом же, благодаря проделанной работе, во втором полугодии 1931 г. наметилась тенденция к сокращению текучести кадров. И организованный набор сыграл в этом отношении немалую роль. «Это объясняется тем, – констатировала автор, – что организованный набор давал возможность направлять в промышленность и на строительство рабочих большими партиями, осуществлять социальный отбор их. Большие группы новых рабочих было легче вовлечь в производство, охватить вводными курсами, производственно-техническим и политическим обучением» [Там же, с. 161]. Вместе с тем, справедливо отмечала она, в годы первой пятилетки действовал ряд существенных факторов, благоприятствующих процессам текучести и низкой трудовой дисциплины. Помимо жилищно-бытовых трудностей, сохранения мелкобуржуазной психологии вчерашних крестьян-единоличников, действовал и собственно внутрипроизводственный механизм воспроизводства этих пороков. Вот как об этом писала А. М. Панфилова: «Дело в том, что многие хозяйственные руководители, напуганные затруднениями с рабочей силой и большой текучестью, вместо принятия мер к ее закреплению... стремились иметь “запас” на случай ухода рабочих. Излишки рабочей силы затрудняли борьбу за укрепление дисциплины и воспитание рабочих, искусственно понижали производительность труда и удорожали себестоимость продукции, тормозили внедрение новой техники» [Там же].

В первой половине 1960-х гг. появляются исследования, прослеживающие особенности реализации курса форсированной индустриализации на региональном уровне. Среди них отметим монографию Р. Я. Хабибулиной, посвященную анализу партийного руководства стахановским движением в г. Ленинграде [10]. Дело в том, что от состояния дел в Ленинграде в немалой степени зависел общий тонус советской промышленности. Поэтому руководство города старалось соответствовать масштабу требований, быть в авангарде передовых начинаний в организации труда. В частности, накануне рождения стахановского почина здесь успешно была проведена кампания по сдаче рабочими государственных технических экзаменов (ГТЭ). За 1935 г. на заводах тяжелой промышленности города было охвачено технической учебой более 80 тыс. человек, 98% общего состава рабочих. Из них сдали экзамены почти 100%, причем 68,6% получили хорошие и отличные оценки [Там же, с. 32]. Как следствие, рост технической подготовки рабочих кадров положительно сказывался на состоянии производительности ленинградских предприятий. Правда, попытки внедрения форм соревнования, направленные на кардинальное улучшение качественных показателей производства, не могли найти массового отклика на низовом уровне («отличничество», отказ от государственных дотаций). И не потому только, что, как отмечала автор, здесь помехой, как для «отличничества», выступало отсутствие адекватных форм поощрения. Вся совокупность действовавших производственных отношений не могла не воспроизводить логику количественных ориентиров в экономическом поведении субъектов производства. Именно поэтому стахановский почин и стал в это время наиболее адекватной формой мобилизации работников на достижение рекордных показателей выработки.

Рекорд А. Стаханова, совершенный в ночь с 30 на 31 августа, достаточно быстро был подхвачен на ленинградских предприятиях. Уже 21 сентября 1935 г. Н. Сметанин, переплетчик ленинградской фабрики «Скорход», обработал на перетяжной машине 1400 пар обуви при норме 650 пар, став застрельщиком стахановского движения в обувной промышленности. К концу октября на этом предприятии насчитывалось 1287 стахановцев, в начале ноября – 2 тысячи, что составило 20% коллектива фабрики [Там же, с. 50]. Хотя и в меньшем масштабе, стахановское движение стало распространяться и в других отраслях ленинградской промышленности. Конечно, ключевую роль в этом процессе играла городская партийная организация, по чьей инициативе в течение октября на заводах проходили слеты стахановцев, призванные дать дополнительный импульс почину. При этом на городском слете стахановцев, на последовавшем за ним городском партийном форуме были озвучены предостережения против «опошления движения». В частности, осуждалась организация бесперебойной работы рекордсменов за счет простоев и перебоев в работе остальных рабочих [Там же, с. 63]. Между тем, провозглашенные руководством ВКП(б) в декабре 1935 г. директивы о необходимости качественного расширения стахановского движения и пересмотре на этой основе норм должны были быть выполнены, прежде всего, на передовых предприятиях советской промышленности. На более качественный уровень предстояло поднять техническую учебу рабочих. В связи с этим С. Орджоникидзе издал приказ от 26 января 1936 г. о техническом обучении рабочих без отрыва от производства. Так, для рабочих, сдавших ГТЭ в 1935 г., организовывались курсы повышенного типа – стахановские курсы. Впрочем, отмечала Р. Я. Хабибулина, формы передачи передового опыта были весьма многообразны. Это шефство стахановца над молодым рабочим, индивидуальная помощь, обмен опытом на производственных совещаниях, лекции в клубах, выступления на радио и т.д. С другой стороны, отмечала автор, «на некоторых предприятиях Ленинграда техническая учеба была поставлена плохо: имелись еще элементы формализма, казенщины, учеба не связывалась с практическими задачами бригады, участка, цеха, завода» [Там же, с. 118]. В свою очередь, качественному расширению движения должны были служить такие его формы как проведение стахановских смен, суток, пятidineвок, декадников. «Значение их было в том, что они вскрывали подлинные производственные возможности заводов, на них проверялось умение командиров производства по-новому организовывать производство» [Там же, с. 121].

Примеры проведения в жизнь этих новых форм движения в Ленинграде отражали общие закономерности советского производства. Разовые успехи, достигнутые за счет чрезвычайной мобилизации ресурсов, не могли быть устойчивыми во времени. К тому же, достигнутые количественные показатели не сочетались с желаемыми качественными характеристиками выпускаемой продукции. И суть этого феномена, конечно, заключалась не «в отсутствии должного руководства», как полагала автор, а в принципиальной невозможности перевода штурмового порыва в устойчивый ритм труда на основе существующих форм организации производства и его технической базы. В этом отношении пересмотр норм выработки имел гораздо более значимое влияние на меру интенсивности труда советских рабочих. В частности, на Кировском заводе нормы были повышены на 35%, на фабрике «Скорород» – на 34,3%. В марте-апреле 1936 г. на заводах Ленинграда было инициировано соревнование под лозунгом освоения повышенных норм. Тогда же в коллективах Кировского завода им. Ленина, завода «Электросила» стала распространяться новая форма движения – выпуск стахановских машин, агрегатов. Это означало, что на заводах с длительным производственным циклом выделялись важные и сложные заказы, работа над которыми организовывалась «по-стахановски». А затем на этой основе возникли сквозные стахановские бригады, соревнование конвейеров. В целом же успехи стахановского движения в Ленинграде были налицо. К июню 1936 г. на предприятиях города насчитывалось уже 180 тыс. стахановцев. Производительность ленинградских машиностроителей за 7 месяцев 1936 г. увеличилась на 50%; на Кировском заводе прирост продукции составил 61,3% [Там же, с. 147-148]. Правда, в «грознном» постановлении Ленинградского обкома ВКП(б) от 5 апреля 1936 г. констатировались факты бюрократического опошления стахановского почина на ряде предприятий города. Зачастую оно превращалось в набор схем или вообще предоставлялось самотеку. Действительно, формально-бюрократический подход, «потеря вкуса» к движению не могли не привести к определенным барьерам на пути его развития. Поэтому отнюдь не случайно городской комитет партии отмечал ухудшение работы целого ряда предприятий города в августе-сентябре 1936 г. К тому же, по мнению исследователя, надо было принимать во внимание обстоятельства времени: стахановцы 30-х гг. повышали свою производительность за счет полного использования имеющейся техники. Требовать же от них совершенствования техники, – как предлагалось на Кировском и Металлическом заводах, – было проявлением бюрократической «маниловщины» [Там же, с. 152]. Между тем, 1937 г. влек за собой новые почини, поэтому стахановское движение включалось в ряд текущих задач и свершений.

Необходимое условие понимания процессов индустриализации – это исследование развития отраслей промышленности в 30-е гг. XX века. В этом контексте заметным явлением в ряду работ, напечатанных в первой половине 1960-х гг., стала монография В. С. Лельчука, посвященная становлению химической промышленности СССР [4]. В целом его книга следовала традиционным идеологическим клише предшествующего периода, акцентирующим внимание на ошибках и вредительстве разного рода оппортунистов. В то же время ее отличал исследовательский «оттепельный» пафос, вскоре ставший, пожалуй, неуместным в новых исторических реалиях. Автор подчеркивал: «...многие составители первых вариантов пятилетнего плана химической промышленности не понимали основных задач социалистической индустриализации страны и не верили в возможность ускоренного роста химической индустрии СССР» [Там же, с. 90]. И только патриотическая инициатива глубоко понимающих проблему корифеев химической науки России, поддержанная руководством страны, переломила тенденцию в пользу существенных ассигнований на развитие отрасли. Причем по удельному весу нового строительства, предусмотренного принятым пятилетним планом, химия группы «А» должна была занять первое место среди других отраслей промышленности [Там же, с. 113].

Приступая к анализу процессов реализации грандиозных планов, исследователь с неизбежностью сталкивался с существовавшими в тот период проблемами низкой эффективности работ по созданию новых химических производств. И, надо отметить, В. С. Лельчук не избегал разговора о сути этих трудностей. В ряду них он называл такие как дефицит кадров, недостаток опыта строительства химических предприятий. Отрицательные последствия для развития химической промышленности также имели ведомственные согласования относительно параметров капитального строительства. В частности, ряд таких острых проблем был обозначен в постановлении ЦК ВКП(б) от 29 августа 1929 г. «О деятельности Северного химического треста». Вместо Главхима и Химстроя был создан Всехимпром, в ведении которого оказались все основные вопросы строительства химических гигантов, в том числе в Березниках, Черноречье, Бобриках. Однако во главе Всехимпрома был поставлен М. П. Томский, правый оппортунист, под руководством которого дела шли крайне плохо. Планы значительно недоисполнялись. И лишь со сменой руководства отрасли начались положительные сдвиги. Правда, автор признавал, что и после 1929-1930 гг. трудности подобного рода не исчезли. В ряде случаев они возросли, приняли новые формы и размеры, особенно в период пуска и освоения комбинатов [Там же, с. 202].

По понятным причинам В. С. Лельчук фактически разделил вопросы конкретной мобилизационной работы на стройках и проблемы повседневного экономического поведения работников. В первом случае для него важно было показать пафос преодоления трудностей, трудовой героизм строителей химических производств. Вместе с тем, автор не обошел вниманием социальные-экономические аспекты трудового поведения работников. Так, обращаясь к характеристике состава рабочих химической промышленности, В. С. Лельчук указывал на существенные огрехи в понимании кадровых проблем развивающейся отрасли. С начала 1920-х гг., в частности, стал утверждаться подход, согласно которому рабочему-химику не требовался большой уровень квалификации. Даже проповедовалась «теория» о независимости хода химических процессов, протекающих в закрытых аппаратах, от рабочих. И хотя предложение о свертывании системы ФЗУ в отрасли было отвергнуто, среди рабочих-химиков в годы первой пятилетки преобладали люди с низкой квалификацией. Поправлять же ситуацию с кадровым голодом на марше было достаточно сложно [Там же, с. 356-358]. Еще одним

негативным фактором в это время выступала практика оплаты труда в химической промышленности. В книге приводились данные специалиста по экономике отрасли А. М. Каца, согласно которым на химических предприятиях утвердилась уравнительность в оплате труда. Реальное соотношение между тарифными коэффициентами для низшего и высшего разрядов дошло в 1930 г. до 1 : 1,24 в основной химии и 1 : 2,2 в других отраслях химической промышленности. Все это приводило к большим масштабам текучести, к снижению стимулов для повышения квалификации, в конечном счете – к невыполнению планов. Лишь стратегический поворот, провозглашенный на совещании хозяйственников в июне 1931 г., дал импульс к изменению положения дел в этом вопросе. В конце года в химической промышленности была проведена тарифная реформа. Были выделены и повышены в разряде ведущие профессии. Тем самым соотношение крайних разрядов тарифной сетки выросло до 1 : 3,2 [Там же, с. 358-360]. Но, конечно, действие многих негативных факторов не могло быть преодолено за короткий промежуток времени.

В ряду исторических работ рассматриваемого периода следует выделить исследования, целью которых являлась попытка систематизации накопленного историографией материала на основе структурно-функционального анализа. Наглядным примером в этом отношении может служить небольшое исследование В. З. Дробижера, напечатанное в 1961 г. [2]. В нем автор не только рассмотрел количественное изменение состава рабочих кадров в течение первых двух пятилеток, но и попытался проследить изменение качественного потенциала советской промышленности. Речь, в частности, шла о повышении культурно-технического уровня рабочих, о ликвидации неграмотности, об обучении их через систему ФЗУ и непосредственно на производстве [Там же, с. 22-33]. Кардинально менялись их материальное положение, качество быта. Был здесь и аспект социального освобождения женщин. «Ранее забитая, неграмотная женщина, жившая “за мужем”, стала созидательным, активным участником социалистического строительства» [Там же, с. 36]. Этот социальный сдвиг отражался в изменении бюджета времени трудящихся-женщин. Так, женщины, занятые на производстве, тратили на домашний труд в 1922 г. 6,18 часа. В 1931-1932 гг. этот показатель уменьшился до 3,7 часа [Там же, с. 44]. В целом уверенно росла заработная плата, причем она увеличивалась особенно быстрыми темпами у тех рабочих, которые имели более высокий уровень образования. И хотя, подчеркивал В. З. Дробижер, в начале индустриализации материальное положение рабочих оставалось крайне тяжелым, в годы второй пятилетки четко обозначилась тенденция к повышению реальных доходов трудящихся. Правда, все еще тяжелой оставалась жилищная проблема. Если в 1926 г. в среднем на одного жителя приходилось 8,2 квадратных метра жилой площади, то в 1940 г. – 6,9 квадратных метра [Там же, с. 40].

Процессы социалистической реконструкции промышленного производства непосредственно отражались на росте трудовой активности рабочих, на степени их участия в социалистическом соревновании. Шли поиски наиболее эффективных форм организации коллективного труда, и не все из них выдержали проверку временем. В частности, отмечал автор, серьезные недостатки обнаружились в деятельности коммун. И дело заключалось не только в практике уравнительного распределения заработной платы. «Представляя собой замкнутую организационную единицу, коммуны иногда противопоставляли себя администрации предприятия, подрывали принцип единоначалия. Нередки были случаи, когда члены коммун отрицательно относились к вмешательству профсоюзов в их дела» [Там же, с. 49-50]. Конечно, В. З. Дробижер в немалой степени «спрямлял» реальные процессы внутрипроизводственной жизни этого времени в направлении устойчивых конструкций историографии. Например, он утверждал, что социалистическое соревнование зародилось среди кадровых рабочих. Все же отрицательные явления на промышленных предприятиях и стройках были порождением пришедших из деревни, «не успевшим перевариться в рабочем котле» [Там же, с. 51]. Важнейшей причиной текучести было то, «что недавние выходцы из деревни не получили еще узкой специализации, которая удерживала их на постоянном месте работы» [Там же, с. 52]. На самом деле внутрипроизводственные процессы протекали значительно сложнее. В частности, зачинателями движения ударных бригад выступили как раз молодые рабочие. И нередко именно кадровики уходили с предприятий на более оплачиваемые рабочие места. С другой стороны, В. З. Бурджалов приводил весьма показательные слова представителя уже западной историографии Г. Шварца о том, что советскому руководству «стало ясно, что главными факторами в мышлении рабочего все еще были собственные интересы и стремления к личному обогащению» [Там же, с. 54]. По понятным причинам автор «опровергал» подобные «измышления» западной историографии. И все же вовлечение в авторский анализ контр-тезисов западной историографии существенно расширяло горизонт анализа проблем советской индустриализации.

В целом смягчение строгих ограничений предшествующего периода в свете решений XX съезда КПСС позволило вдумчивым авторам более творчески интерпретировать богатый эмпирический материал периода индустриализации. Наверное, неслучайно тогда были опубликованы наполненные публицистическим пафосом исследования живых свидетелей индустриального строительства. Так, С. Р. Гершберг и А. Ф. Хавин поставили вопросы о сложном организационном и социально-психологическом содержании непростого опыта индустриального рывка. Вместе с тем, новое поколение историков стремилось расширить исследовательский горизонт, в том числе за счет внимания к региональному и отраслевому срезу фундаментальных преобразований 30-х гг. (В. С. Лельчук, Р. Я. Хабибулина). В научный оборот вовлекались целые пласты фактического материала, относящиеся к частным вопросам организации промышленного строительства (А. М. Панфилова). Появлялись первые попытки синтеза накопленного материала на основе структурно-функционального анализа (В. З. Дробижер). Таким образом, открывшиеся возможности в отношении более глубокого анализа индустриальных преобразований в 30-е гг. были в значительной степени использованы советской историографией периода «оттепели».

Список литературы

1. Гершберг С. Р. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности. М.: Госполитиздат, 1956. 260 с.
2. Дробижев В. З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М.: Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. 64 с.
3. За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества (передовая) // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 5-9.
4. Лельчук В. С. Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации. М.: Наука, 1964. 384 с.
5. Локшин Э. Ю. Очерки истории промышленности СССР (1917-1940 гг.). М.: Госполитиздат, 1956. 320 с.
6. Панфилова А. М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928-1932). М.: Издательство Московского университета, 1964. 176 с.
7. Построение фундамента социалистической экономики социализма. 1926-1932 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 574 с.
8. Семин И. П. Год великого перелома. М.: Госполитиздат, 1954. 104 с.
9. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 666 с.
10. Хабибулина Р. Я. Ленинградские коммунисты – организаторы стакхановского движения (1935-1937 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. 172 с.
11. Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М.: Госполитиздат, 1962. 440 с.
12. Штылько А. А. Индустриализация СССР в период первой пятилетки. М.: Госполитиздат, 1956. 100 с.

**HISTORIOGRAPHY OF “THAW” PERIOD (1953-1964)
ON EFFICIENCY OF LABOUR DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS**

Volodin Sergei Filippovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
volodin93@yandex.ru

The article deals with the experience of understanding by the historiography of the “thaw” period (1953-1964) the problems of labor efficiency during the first five-year plans. The works by S. R. Gershberg, V. Z. Drobizhev, V. S. Lel’chuk, A. M. Panfilova, R. Ya. Khabibulina, A. F. Khavin are analyzed. The author points out that the possibilities of the deeper analysis of the processes of industrialization during the first five-year plans, which opened in the “thaw” period, were used by the Soviet historiography to a large degree. The research horizon of the historians was substantially expanded due to the attention to the regional and branch profile of industrial transformations and to their organizational and socio-psychological context.

Key words and phrases: wages; industrialization; labor productivity; the Stakhanovite movement; labor discipline; self-financing.

УДК 740

Философские науки

В данной статье рассматривается ряд проблем современного человека, которые возникают в связи с возрастающим влиянием массовой культуры на все стороны жизни индивида. Выделяются проблемы идентичности, отчужденности и агрессии как наиболее ярко отражающие особенности массовой культуры постиндустриального общества. Авторы придерживаются принципов компаративистской методологии и социокультурного подхода, позволяющих дать системный анализ динамики, тенденций массовой культуры и их сопряженности с современным социоантропогенезом.

Ключевые слова и фразы: человек; массовая культура; общество; идентичность; отчужденность; агрессия.

Вялова Елена Геннадьевна

Копылова Светлана Владимировна

Кунышова Елена Валерьевна

Астраханский государственный университет

cool.vyalova@mail.ru; Chocolate92@inbox.ru; elenakunyashova@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ, ОТЧУЖДЕННОСТЬ, АГРЕССИЯ[©]**

В современном мире массовая культура, охватывая практически все сферы жизни, является одним из ключевых элементов всей системы постиндустриального общества. Феномен массовой культуры – явление сложное, уникальное и в то же время противоречивое, требующее детального изучения всех его особенностей на принципиально новом уровне осмысления [19, с. 193].

В настоящее время влияние массовой культуры на человека и его деятельность только увеличивается: средства массовой информации становятся эффективным двигателем постиндустриального общества, формируют определенную систему восприятия мира, стремительно реагируют на вызовы современности. В связи

[©] Вялова Е. Г., Копылова С. В., Кунышова Е. В., 2015